

Иван Тургенев

Пэгаз

Иван Сергеевич Тургенев

Пэгаз

**Серия «Литературные и
жизненные воспоминания»**

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3007255*

Аннотация

«...У меня, как у всякого «завязтого» охотника, перебывало много собак, дурных, хороших и отличных – попалась даже одна, положительно сумасшедшая, которая и кончила жизнь свою, выпрыгнув в слуховое окно сушильни, с четвертого этажа бумажной фабрики; но лучший без всякого сомнения пес, которым я когда-либо обладал, был длинношерстый, черный с желтыми подпалинами кобель, по кличке «Пэгаз», купленный мной в окрестностях Карлсруэ у охотника-сторожа за сто двадцать гульденов – около восьмидесяти рублей серебром. Мне несколько раз – впоследствии времени – предлагали за нее тысячу франков...»

Содержание

Иван Сергеевич Тургенев

Пегаз

Охотники часто любят хвастать своими собаками и пре-возносить их качества: это тоже род косвенного самовосхва-ления. Но несомненно то, что между собаками, как меж-ду людьми, попадают умницы и глупыши, даровитости и бездарности, и попадают даже гении, даже оригиналы;¹ а разнообразие их способностей «физических и умственных», нрава, темперамента – не уступит разнообразию, замечаемо-му в людской породе. Можно сказать – и без особенной на-тяжки, – что от долгого, за исторические времена восходя-щего сожительства собаки с человеком, она заразилась им – в хорошем и в дурном смысле слова: ее собственный нор-мальный строй несомненно нарушен и изменен, – как нару-шена и изменена самая ее внешность. Собака стала болез-неннее, нервнее, ее годы сократились; но она стала интел-лигентнее, впечатлительнее и сообразительнее; ее кругозор расширился. Зависть, ревность – и способность к дружбе, от-чаянная храбрость, преданность до самоотвержения – и по-зорная трусость и изменчивость, подозрительность, злопа-мятность – и добродушие, лукавство и прямота – все эти ка-чества проявляются – иногда с поразительной силой – в пе-

¹ Весной 1871 года я видел в Лондоне, в одном цирке, собаку, которая испол-няла роль «клоуна», паяца; она обладала несомненным комическим юмором.

ревоспитанной человеком собаке, которая гораздо больше, чем лошадь, заслуживает название «самого благородного его завоевания» – по известному выражению Бюффона.

Но довольно философствовать: обращаюсь к фактам.

У меня, как у всякого «завязтого» охотника, перебывало много собак, дурных, хороших и отличных – попалась даже одна, положительно сумасшедшая, которая и кончила жизнь свою, выпрыгнув в слуховое окно сушильни, с четвертого этажа бумажной фабрики; но лучший без всякого сомнения пес, которым я когда-либо обладал, был длинношерстый, черный с желтыми подпалинами кобель, по кличке «Пэгаз», купленный мной в окрестностях Карлсруэ у охотника-сторожа (Jagdhiiter) за сто двадцать гульденов – около восьмидесяти рублей серебром. Мне несколько раз – впоследствии времени – предлагали за нее тысячу франков. Пэгаз (он жив еще до сих пор, хотя в начале нынешнего года почти внезапно потерял чутье, оглох, окривел и совершенно опустился) – Пэгаз – крупный пес с волнистой шерстью, с удивительно красивой, громадной головой, большими карими глазами и необычайно умной и гордой физиономией. Порода он не совсем чистой: он являет смесь английского сеттера и овчарной немецкой собаки: хвост у него толст, передние лапы слишком мясисты, задние несколько жидки. Силой он обладал замечательной и был драчун величайший: на его совести, наверно, лежит несколько собачьих душ. О кошках я уже не упоминаю. Начну с его недостатков на охоте: их

немного, и перечесть их недолго. Он боялся жары – и когда не было близко воды, подвергался тому состоянию, когда говорят о собаке, что она «зарьяла»; он был также несколько тяжел и медлителен в поиске; но так как чутье у него было баснословное – я ничего подобного никогда не встречал и не видывал, – то он все-таки находил дичь скорее и чаще, чем всякая другая собака. Стойка его приводила в изумление – и никогда – никогда! он не врал. «Коли Пэгаз стоит – значит есть дичь» – было общепринятой аксиомой между всеми нашими товарищами по охоте. Ни за зайцами, ни за какой другой дичью он не гонял ни шагу; но, не получив правильного, строгого, английского воспитанья, он, вслед за выстрелом, не выжидая приказания, бросался поднимать убитую дичь – недостаток важный! Он по полету птицы тотчас узнавал, что она подранена, – и если, посмотрев ей вслед, отправлялся за нею, подняв особенным манером голову, – то это служило верным знаком, что он ее сыщет и принесет. В полном развитии его сил и способностей – ни одна подстреленная дичь от него не уходила: он был удивительнейший «ретривер» (retriever – сыщик), какого только можно себе представить. Трудно перечесть, сколько он отыскал фазанов, забившихся в густой терновник, которым наполнены почти все германские леса, – куропаток, отбежавших чуть не на полверсты от места, где они упали, – зайцев, диких коз, лисиц. Случалось, что его приводили на след два, три, четыре часа после нанесения раны: стоило сказать ему, не возвышая

голоса: *such, verloren!* (шершь, потерял!) – и он немедленно отправлялся курц-галопом сперва в одну сторону, потом в другую – и, наткнувшись на след, стремительно, во все лопатки, пускался по нем... Минута пройдет, другая... и уже заяц или дикая коза кричит под его зубами – или вот уже он мчится назад с добычей во рту. Однажды, на заячьей облаве, Пэгаз выкинул такую удивительную штуку, что я бы едва ли решился рассказать ее, если б не мог сослаться на целый десяток свидетелей. Лесной загон кончился; все охотники сошлись на поляне близ опушки. «Я именно здесь ранил зайца», – сказал мне один из моих товарищей – и обратился ко мне с обычной просьбой: направить на след Пэгаза. Должно заметить, что на эти облавы, кроме моего пса, прозванного «l'illustre Pegase»², ни один не допускался. Собаки в этих случаях только мешают; сами беспокоятся и беспокоят своих владетелей – да своими движениями предостерегают и отгоняют дичь. Егери-загонщики своих собак держат на сворах. Мой Пэгаз, как только начиналась облава и раздавались крики – превращался в истукана, смотрел внимательно в чащу леса, чуть заметно поднимая и опуская уши, – и даже дышать переставал; дичина могла проскочить под самым его носом – он едва дрогнет боками или облизнется – и только. Однажды заяц пробежал буквально по его лапам... Пэгаз удовольствовался тем, что показал пример, будто укусить его хочет. Возвращаюсь к рассказу. Я скомандовал ему: «*Such, verloren!*» –

² знаменитый Пэгаз (*фр.*)

он отправился – и через несколько мгновений мы услышали крик пойманного зайца – и вот уже мелькает по лесу красивая фигура моего пса – скачет он прямо ко мне. (Он никому другому не отдавал своей добычи.) Внезапно, в двадцати шагах от меня – он останавливается, кладет зайца на землю – и марш-марш назад! Мы все переглянулись с изумленьем... «Что это значит? – спрашивают у меня. – Зачем Пэгаз не донес до вас зайца? Он этого никогда не делал!» Я не знал, что сказать, ибо сам ничего не понимал, – как вдруг опять в лесу раздается заячий крик – и Пэгаз опять мелькает по чаще с другим зайцем во рту! Дружные, громкие рукоплескания его приветствовали. Одни охотники могут оценить, какое тонкое чутье, какой ум и какой расчет должны быть у собаки, которая, с только что убитым, теплым зайцем во рту – в состоянии, на всем скаку, в виду хозяина, учуять запах другого раненого зайца – и понять, что это издает запах именно другой, – а не тот заяц, которого она держит между зубами!

В другой раз его навели на след раненой дикой козы. Охота происходила на берегу Рейна. Он добежал до берега, бросился направо, потом налево – и, вероятно, рассудив, что дикая коза, хоть и не дала больше следа, пропасть, однако, не могла – бухнулся в воду, переплыл рукав Рейна (Рейн, как известно, против великого герцогства Баденского делится на множество рукавов) – и, выбравшись на противулежащий, заросший лозняками островок, схватил на нем козу.

Еще вспоминаю я зимнюю охоту в самых вершинах

Шварцвальда. Везде лежал глубокий снег, деревья обросли громадным инеем, густой туман наполнял воздух и скрадывал очертанья предметов. Сосед мой выстрелил – и когда я, по окончании облавы, подошел к нему – сказал мне, что он стрелял по лисице – и, вероятно, ее ранил, потому что она взмахнула хвостом. Мы пустили по следу Пэгаза – и он тотчас же исчез в белой мгле, окружавшей нас. Прошло пять минут, десять, четверть часа... Пэгаз не возвращался. Очевидно, что мой сосед попал в лисицу: если дичь не была ранена и Пэгаза посылали попустому, он возвращался тотчас. Наконец, в отдалении раздался глухой лай: он примчался к нам точно с другого света. Мы немедленно двинулись по направлению этого лая: мы знали, что когда Пэгаз не в состоянии был принести добычу, – он лаял над нею. Руководимые изредка раздававшимися, отрывочными возгласами его баса, мы шли; и шли мы точно как во сне – не видя почти, куда ставим ноги. Мы поднимались в гору, спускались в лощины, в снегу по колени, в сыром и холодном тумане; стеклянные иглы сыпались на нас с потрясенных нами ветвей... Это было какое-то сказочное путешествие. Каждый из нас казался другому призраком – и все кругом имело призрачный вид. Наконец, что-то зачернело впереди, на дне узкой ложбины: то был Пэгаз. Сидя на корточках, он свесил морду – и, как говорится, «насуровился»; а пред самым его носом, в тесной яме, между двумя плитами гранита, лежала мертвая лисица. Она заползла туда прежде, чем околела, – и Пэгаз не в состо-

янии был достать ее. Оттого он и оповестил нас лаем.

У него над правым глазом был незаросший шрам глубокой раны: эту рану нанесла ему лисица, котрую он нашел еще живую, шесть часов после того, как по ней выстрелили, – и с которой он вступил в смертный бой.

Вспоминаю я еще следующий случай. Я был приглашен на охоту в Оффенбург, город, лежащий недалеко от Бадена. Эту охоту содержало целое общество спортсменов из Парижа: дичи в ней, особенно фазанов, было множество. Я, разумеется, взял с собой Пэгаза. Нас всех было человек пятнадцать. У многих были отличные, большею частью английские, чистокровные собаки. Переходя с одной облавы на другую, мы вытянулись в линию по дороге вдоль леса; налево от нас зачинаялось огромное, пустое поле; посредине этого поля – шагах от нас в пятистах – возвышалась небольшая кучка земляных груш (topinambour). Вдруг мой Пэгаз поднял голову, повел носом по ветру и пошел размеренным шагом прямо на ту отдаленную кучку засохших и вытянутых, сплошных стеблей. Я остановился и пригласил г-д охотников идти за моей собакой – ибо «тут наверное что-нибудь есть». Между тем другие собаки подскочили, стали вертеться и снова около Пэгаза, нюхать землю, оглядываться – но ничего не зачуяли; а он, нисколько не смущаясь, продолжал идти, как по струнке. «Заяц, должно быть, где-нибудь в поле залег», – заметил мне один парижанин. Но я по фигуре, по всей повадке Пэгаза видел, что это не заяц, и вторично пригласил г-

д охотников идти за ним. «Наши собаки ничего не чуют, – отвечали они мне в один голос, – вероятно, ваша ошибается». (В Оффенбурге тогда еще не знали Пэгаза.) Я промолчал, взвел курки, пошел за Пэгазом, который лишь изредка оглядывался на меня через плечо, – и добрался, наконец, до кучки земляных груш. Охотники – хотя и не последовали за мною, однако все остановились и издали смотрели на меня. «Ну, если ничего не будет? – подумал я, – осрамимся мы, Пэгаз, с тобою...» Но в это самое мгновение целая дюжина самцов-фазанов с оглушительным треском взвилась на воздух – и я, к великой моей радости, сшиб пару, что не всегда со мной случалось, ибо я стреляю посредственно. «Вот, мол, вам, г-да парижане, и вашим чистокровным собакам!» С убитыми фазанами в руках возвратился я к товарищам... Комплименты посыпались на Пэгаза и на меня. Я, вероятно, выказал удовольствие на лице; а он – как ни в чем не бывало! далее не скромничал.

Без преувеличения могу сказать, что Пэгаз сплошь да рядом зачуживал куропаток за сто, за двести шагов. И, несмотря на свой несколько ленивый поиск, как обдуманно он распорядился: ни дать ни взять, опытный стратегик! Никогда не опускал головы, не внюхивался в след, позорно фыркая и тыкая носом; он действовал постоянно верхним чутьем, *dans le grand style, la grande maniere*³, как выражаются французы. Мне, бывало, почти с места сходить не приходилось: только

³ в высоком стиле (*фр.*)

посматриваю за ним. Очень забавляло меня охотиться с кем-нибудь, кто еще не знал Пэгаза; получаса не проходило, как уже слышались восклицания: «Вот так собака! Да это – профессор!»

Понимал он меня с полуслова; взгляда было для него достаточно. Ума палата была у этой собаки. В том, что он однажды, отстав от меня, ушел из Карлсруэ, где я проводил зиму, – и четыре часа спустя очутился в Баден-Бадене, на старой квартире, – еще нет ничего необыкновенного; но следующий случай показывает, какая у него была голова. В окрестностях Баден-Бадена как-то появилась бешеная собака и кого-то укусила; тотчас вышел от полиции приказ: всем собакам без исключения надеть намордники. В Германии подобные приказы исполняются пунктуально, и Пэгаз очутился в наморднике. Это было ему неприятно до крайности; он беспрестанно жаловался – то есть садился напротив меня – и то лаял, то подавал мне лапу... но делать было нечего, надлежало покориться. Вот однажды моя хозяйка приходит ко мне в комнату и рассказывает, что накануне Пэгаз, воспользовавшись минутой свободы, зарыл свой намордник! Я не хотел дать этому веры; но несколько мгновений спустя хозяйка моя снова вбегает ко мне и шепотом зовет меня поскорее за собою. Я выхожу на крыльцо – и что же я вижу? Пэгаз с намордником во рту пробирается по двору украдкой, словно на цыпочках – и, забравшись в сарай, принимается рыть в углу лапами землю – и бережно закапывает в нее свой на-

мордник! Не было сомнения в том, что он воображал таким образом навсегда отделаться от ненавистного ему стеснения.

Как почти все собаки, он терпеть не мог нищих и дурно одетых людей (детей и женщин он никогда не трогал) – а главное: он никому не позволял ничего уносить; один вид ноши за плечами или в руке возбуждал его подозрения – и тогда горе панталонам заподозренного человека – и в конце концов – горе моему кошельку! Много пришлось мне за него переплатить денег. Однажды слышу я ужасный гвалт в моем палисаднике. Выхожу – и вижу – за калиткой человека дурно одетого – с разодранными «невыразимыми» – а перед калиткой Пэгаза в позе победителя. Человек горько жаловался на Пэгаза – и кричал... но каменщики, работавшие на противоположной стороне улицы, с громким смехом сообщили мне, что этот самый человек сорвал в палисаднике яблоко с дерева – и только тогда подвергся нападению Пэгаза.

Нрава он был – нечего греха таить – сурового и крутого; но ко мне привязался чрезвычайно, до нежности.

Мать Пэгаза была в свое время знаменитость – и тоже пре-суровая нравом; даже к хозяину она не ласкалась. Братья и сестры его также отличались своими талантами; но из многочисленного его потомства ни один даже отдаленно не мог сравниться с ним.

В прошлом (1870) году он был еще превосходен – хотя начинал скоро уставать; но в нынешнем ему вдруг все изменило. Я подозреваю, что с ним сделалось нечто вроде размяг-

чения мозга. Даже ум покинул его – а нельзя сказать, чтобы он слишком был стар. Ему всего девять лет. Жалко было видеть эту поистине великую собаку, превратившуюся в идиота; на охоте он то принимался бессмысленно искать – то есть бежал вперед по прямой линии, повесив хвост и понутив голову, – то вдруг останавливался и глядел на меня напряженно и тупо – как бы спрашивая меня, что же надо делать – и что с ним такое приключилось? *Sic transit gloria mundi!*⁴ Он еще живет у меня на пенсии – но уж это не прежний Пэгаз – это жалкая развалина! Я простился с ним не без грусти. «Прощай! – думалось мне, – мой несравненный пес! Не забуду я тебя ввек, и уже не нажить мне такого друга!»

Да едва ли я теперь буду охотиться больше.

Париж-Декабрь. 1871

⁴ Так преходяща слава мирская! (лат.)